

РОБЕРТО САВЬЯНО
ПИРАНЬИ
НЕАПОЛЯ

РОМАН

Перевод с итальянского
Ирины Боченковой



издательство **ACT**

Москва

Слово “паранца”¹ — с моря.

Тот, кто родился у моря, чувствует его по-особенному. Море дает работу, омывает, вторгается, властвует. Ты можешь всю остальную часть жизни провести вдали от моря, но будешь всегда пропитан им. Рожденный на море знает, что есть море тяжкого труда, море прибытия и отправления, море сточных вод, море, которое тебя отделяет от других. Есть море — клоака, море — путь побега, море — непреодолимый барьер. Есть ночное море.

Ночью выходят на рыбалку. Чернильная тьма. Проклятия вместо слов молитвы. Тишина. Только шум мотора.

Две лодки удаляются, маленькие, утлые, нагруженные прожекторами так, что кажется, вот-вот пойдут ко дну. Одна — налево, другая — направо, а фонарь светит, приманивая рыбу. Прожектор. Сле-

1 Паранца — рыбацкий одномачтовый баркас; невод для ловли рыбы; мелкая морская рыбешка, приготовленная в вяле. И банда в структуре каморры.

пящий луч, солоноватое электричество. Резкий свет безжалостно разрывает воду до самого дна. Морское дно пугает: будто видишь, где конец всему. Вот здесь? В этом месиве камней и песка, покрытом толщей воды? И это все?

Паранца — название лодки, которая охотится на рыбу, приманивая ее светом.

Новое солнце электрическое; свет проникает в воду, овладевает ею, и рыба ищет его, доверяет ему. Доверяет жизни, плывет, открыв рот, ведомая инстинктом. Тем временем растягивается невод, быстро-быстро; сеть уже на страже по периметру косяка, обволакивает его.

Потом свет замирает, кажется, сейчас до него доберутся раскрытые рты. Между тем рыбы жмутся одна к другой, работают плавниками, ищут себе место. Как если бы вся вода вдруг стала лужей. Они подскакивают, а когда шлепаются, ударяются обо что-то не такое мягкое, как песок, но и не такое твердое, как камни. Кажется, через него можно пробиться, но ничего не получается. Они мечутся вверх-вниз, вверх-вниз, вправо-влево, вправо-влево, но все слабее, и слабее, и слабее.

Свет гаснет. Невод идет вверх, и для рыб море внезапно опрокидывается, словно дно морское взлетает к небу. Есть только сети, которые вытягивают. Жадно хватая воздух, рты у рыб превращаются в маленькие, полные отчаяния кружочки, а раздутые жабры — как мочевые пузыри. Гонка к свету окончена.

“Новый махараджа”

Форчелла¹ — ткань Истории. Вековая плоть Неаполя. Живая материя. Она там, в морщинах переулков, пропускающих ее, как лицо, огрубевшее от ветра. Смысл имени: Форчелла. Веточка с развилкой на конце. Дорога в неизвестность, всегда знаешь, откуда начинается путь, но куда придешь и придешь ли — неизвестно. Дорога как символ. Смерти и воскресения. Она встречается тебя огромным изображением святого Януария², написанным на стене. С фасада обычного дома он смотрит на входящих. Его глаза, все понимающие, напоминают тебе, что никогда не бывает поздно воспрянуть духом, что разрушение, как лаву, можно остановить.

1 *Форчелла* — историческая зона в центре Неаполя. Название происходит от характерной формы перекрестка, напоминающей греческую букву ипсилон (Υ) или вилку.

2 *Святой Януарий* — священномученик, покровитель Неаполя. Самый известный случай заступничества Януария — спасение города от извержения Везувия в 1631 году, когда по молитвам горожан каменная статуя святого одним жестом поднятой руки остановила извержение.

Форчелла — это история отъездов и возвращений. В новые города из старых и потом из новых городов, которые становятся старыми. Из суетливых, шумных городов, построенных из вулканического туфа и пиперно. Камень, из которого воздвигнуты все стены, вымощены все дороги, изменил все, даже людей, что с незапамятных времен этот материал обрабатывают. Или, лучше сказать, возделывают. Потому что так говорят: возделывать пиперно, будто это виноградник. Камень добывать все сложнее, ведь возделывать пиперно — значит расходовать его запасы. В Форчелле и камни живые, они тоже дышат.

Дома теснятся, балконы целуются в Форчелле. Страстно целуются. Даже если между ними пролегла дорога. И если их не связывают бельевые веревки, их удерживают сплетающиеся голоса, будничная перекличка, словно между ними не асфальт, а река, через которую перекинуты невидимые мосты.

Всякий раз, когда Николас проезжал мимо Колонн Форчеллы¹, ему становилось весело. Он вспоминал, как два года назад, хоть и казалось, что давным-давно, они вынесли огромную елку из галереи Умберто I и притащили ее сюда прямо со сверкающими шарами, которые, конечно, сверкали уже не так ярко, потому что не было электричества. Там ее и увидела Летиция. Она вышла из дома утром в канун Рождества и, завернув за угол, заметила еловую верхушку — как в сказках, когда вечером бро-

¹ Колонны Форчеллы — огороженная археологическая зона в центре площади Винченцо Календы. Камни, предположительно, были частью стены, окружавшей античный Неаполис.

шено зерно, а на рассвете раз — и выросло дерево, упирающееся кроной в небо. В тот день она его поцеловала.

За елкой ходили ночью всей группой. Дождались, пока родители лягут спать, и ушли из дома. Все вместе, десять человек, с невероятным усилием взвалили ее на свои шуплые плечи, стараясь не шуметь, ругались вполголоса. Потом привязали елку к мопедам: Николас и Бриато, Чёговору и Зубик спереди, остальные сзади поддерживали ствол. В тот день был жуткий ливень, потоки воды изрыгались из канализационных стоков, стояли на дороге болотом, по которому оказалось не так-то легко проехать на мопедах. Мопеды катили, шагая рядом и держа за руль, сесть на них верхом не позволял возраст, но, по их словам, они и так все умели и водили даже лучше, чем взрослые. Однако ехать по этой толще воды было нелегко. Они часто останавливались перевести дыхание и поправить веревки, и в итоге все получилось. Елку поставили у Колонн — среди домов, среди людей. Там, где ей место. К вечеру приехали полицейские и забрали ее, но это уже мало кого волновало. Дело было сделано.

Николас, улыбаясь, проехал Колонны и припарковался у дома Летиции. Он хотел забрать ее с собой в бар. Она уже успела посмотреть посты на Фейсбуке: фотографии измазанного дерьмом Ренатино; друзья не замедлили прокомментировать его унижение. Летиция знала Ренатино и знала, что нравится ему. Единственный грех, который он совершил, — лайки, поставленные кое-каким ее фотографиям, после того как она добавила его в друзья: непростительная ошибка в глазах Николаса.

Николас стоял у дома, звонить в домофон он не собирался. Домофоном пользуется почтальон, дорожный инспектор, пожарный, полицейский, врач скорой помощи, чужой человек. Если же нужно позвать мать, отца, друга, невесту, соседку — любого, кто занимает в твоей жизни хоть какое-то место, нужно кричать. Все открыто, распахнуто настежь, все слышно, а если не слышно — плохой знак, значит, что-то случилось.

— Леті! Летиция! — заорал снизу Николас.

Окно комнаты Летиции выходило не на дорогу, а в глухой и темный внутренний дворик. Взгляд же Николаса был обращен на окно, за которым находилась большая лестничная площадка. Обычно жильцы, идущие по лестнице, слышали крик, стучали в квартиру Летиции и шли дальше, не дожидаясь, когда дверь откроется. Стучали и шли своей дорогой, это был условный язык: “Тебя зовут!” Если Летиция, открыв дверь, никого не видела на площадке, она знала, что тот, кто ее ищет, стоит на улице. Но теперь Николас так орал, что она услышала его даже из своей комнаты. Вышла на лестничную площадку и сердито прокричала в окно:

— Уходи. Я никуда не пойду.

— Ну, выходи же, я жду.

— Я сказала, не пойду.

Обычное дело. Все знают, что вы ссоритесь. Должны знать. Гневные слова и эмоции отскакивают от привыкшей к перепалкам влюбленных мостовой.

— Что тебе сделал Ренатино?

— А, знаешь уже новость? — В голосе Николаса смешались радость и робость.

Вообще-то ему достаточно было того, что его девушка в курсе. Подвиги воина передаются из уст в уста, весть становится легендой. Он смотрел на Летицию и понимал, что эхо его поступка разнеслось среди облезлой штукатурки, алюминиевых рам, водосточных труб, балконов и поднималось все выше, к крышам и телевизионным антеннам. Летиция стояла, опершись о подоконник; волосы ее, влажные после душа, вились сильнее обычного. И тут пришло сообщение от Агостино. Сообщение срочное и загадочное.

Перебранка закончилась. Летиция видела, как Николас вскочил на свой скутер и резко сорвался с места. Стремительный кентавр — получеловек, полуколеса. Ездить в Неаполе — значит обгонять где угодно, не соблюдая правил, запретов, не обращая внимания на пешеходные переходы. Николас спешил в ресторан “Новый махараджа”, где уже собрались остальные. Роскошный ресторан на Позиллипо с просторной террасой, выходящей на залив. Заведение могло безбедно жить только благодаря террасе, сдаваемой по случаю свадеб, первых причастий и других праздников. С детства Николаса притягивало это возвышающееся на Позиллипо белое здание. Николасу нравилась бесцеремонность “Махараджи”: укорененная на скале неприступная крепость, белая-белая. Белыми были окна, двери и даже ставни. Как величественный греческий храм, смотрел ресторан на море. Словно из воды росли его белоснежные колонны, поддерживающие террасу, где, как представлялось Николасу, прогуливались люди, одним из которых он мечтал стать.